

ПОЗАБЫТОЕ

О
Л
Ь
Г
А

Г
О
Р
Б
А
Ч

Р
А
С
С
К
А
З
Ы

ДАВНО

16+

Ольга Горбач

**Позабытое давно.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Горбач О.

Позабытое давно. Сборник рассказов / О. Горбач — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Улетит память куда-то - то ли в прошлое, то ли в будущее, - сверкнет мгновенно, сожмет сердце старой болью... И замрешь, боясь вспугнуть хрупкую забытую нежность. Быстро пролетят волшебные мгновенья, снова закружит суета, покроется панцирем душа, опустятся шоры на глаза. Но однажды колыхнет ветер занавеску, послышатся хрустальные звуки флейты, забегают солнечные зайчики на бокале вина, и вновь воскреснут милые сердцу воспоминания, вновь отогреет душу былое, позабытое давно.

Содержание

Багульник	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Багульник

Она носила серую каракулеву шубу – тяжёлую на вид и с устойчивым нафталиновым запахом. Было видно, что шуба дорогая, но невероятно старая, советских времён покроя. На пальце красовался крупный перстень со множеством мелких тёмно-красных камушков. Наверное, тоже старинный и дорогой, но подделки под такие часто встречаются в книжных киосках. Над верхней губой виднелись редкие седые усики, а у левого виска было большое тёмно-красное родимое пятно. Говорила она быстрой скороговоркой, слегка картавя. Вот и всё, что мне запомнилось в ней при первой встрече. Она выгуливала во дворе моего клиента – рыжего шпица, мне надо было забрать его на стрижку. Никогда бы не подумала, что с такого рода женщиной может произойти что-то необычное. Жизнь она прожила спокойную, в достатке. Детей не было. Вот уже двадцать пять лет, как она овдовела. Муж был на пятнадцать лет старше её, какой-то партийный чиновник средней руки, умер рано, сразу после того, как его «ушли» на пенсию. В общем, скучная, размеренная жизнь обеспеченной номенклатурной пенсионерки. Подруг в истинном смысле слова у нее не было, так – товарки, соседки, жёны бывших приятелей мужа. Из родни – две двоюродные сестры: одна на пять, другая на восемь лет её моложе, да их дети – троюродные племянники разных возрастов и не особо преуспевшие в жизни. Видимо, поэтому для них она была многообещающей в плане наследства тётушкой. Не сказать чтобы они особо окружили её вниманием, но каждый поздравлял с праздниками и днём рождения. В её ожидаемом наследстве самой ценной была московская двухкомнатная квартира на Чистых прудах и дачный дом в Болшево, довольно заброшенный, но добротный. На даче она бывала очень редко, только с оказией – если кто отвезёт.

Случилось так, что прошлой весной Дину Васильевну затопили соседи. Сначала закапало с потолка в коридоре. Капли весело стучали о паркет, как весенняя капель. Потом по стенам заструилась вода. Дина Васильевна была дома, а вот соседей сверху не было. Пока бегали за слесарем, за участковым милиционером, пока вскрывали замки и перекрывали стояки, прошло довольно много времени, и в квартире Дины Васильевны образовался настоящий потоп. Мягкая мебель промокла настолько, что при нажатии на сидения дивана и кресел образовывались лужицы. Подроспевшие племянники воду с пола вычерпывали совком и тарелками. Дверцы шкафов и стенок разбухли и перестали закрываться. В квартире установился стойкий запах сауны и мокрой штукатурки. Остаться в таком жилище было невозможно. Племянники и двоюродные сёстры уклонились от должного гостеприимства, но кто-то из них припомнил о болшевской даче, и было решено перевезти Дину Васильевну туда с необходимыми вещами и мебелью. К переезду в качестве грубой мужской силы привлекли приятелей одного из племянников – четверых байкеров. Байкеры выносили мебель, громко смеялись прокуренными голосами и скрипели кожаными косухами. Широкоплечие, краснолицые, они были похожи на весёлых викингов. У троих были бороды, а у четвёртого – усы, как у карпатских парубков. Он весело подмигивал Дине Васильевне и говорил ей шуточные комплименты: «Знаю-знаю, отчего тут так мокро! Б-р-р! Лили слёзы отвергнутые кавалеры!» Дина смеялась и с удивлением обнаруживала в себе давно забытое ощущение – она стеснялась! Погрузились быстро. Потом они долго ехали по пробкам: Дина Васильевна – в кабине газели, а весёлые викинги – на своих страшных огромных мотоциклах. Усатый красавец махал ей рукой в перчатке, а она, словно девушка, закрывала щёки ладошками и краснела. Боже, как давно она не чувствовала себя способной вот так краснеть и хихикать, как давно не было в её жизни таких весёлых событий, не связанных с врачами, болезнями, старухами и сплетнями. Будто свежий весенний ветерок овеял её затхлую жизнь! Болшевский дом оказался вполне пригоден для жилья. Толстые бревенчатые стены пахли опавшими листьями и грибами, а буфет источал тонкий запах

чая и конфет, хотя ни того, ни другого там не было. Пока викинги перетаскивали вещи, Дина Васильевна включила ОГВ, вскипятила чайник, нашла в шкафу и расстелила на круглом столе старинную кружевную скатерть. Однако племянник с викингами пить чай отказались. Дина хотела сунуть усатому красавцу тысячу рублей за помощь, но племянник перехватил деньги и сказал, что сам за всё рассчитается. Викинги по очереди подходили попрощаться с ней, а когда подошёл усач, она испытала огромное сожаление, что не увидит больше весёлых синих глаз, и едва слышно произнесла: «А вы заходите, чаю попьём с вареньем или... что покрепче». Усач вскинул брови: «Я никогда не отказываюсь от приглашения чаровниц», – щёлкнул погусарски каблуками и поцеловал ей руку. Дину Васильевну будто кипятком обдало. «Что за глупости! – рассердилась она на себя. – Понятно же, всё это шутка!» Когда все ушли, она легла на кровать и стала прислушиваться к себе. Как приятно, как приятно, как замечательно приятно кружилась голова, дышалось полной грудью! «Пусть, пусть, пусть всё это глупости и ерунда, ну чему и когда я ещё могу порадоваться? Пусть это продлится хоть сколько-нибудь ещё!» Но к вечеру подскочило давление, Дина испугалась и решила больше не позволять себе никаких вредных фантазий.

Однако утром она проснулась замечательно свежей и радостной. Она сразу вспомнила вчерашние события и засмеялась – как смешно и глупо было всё это. Да-да, смешно и глупо! Взяла большое круглое зеркало, поставила на стол и стала рассматривать себя, как давно уже не рассматривала. Да, время неумолимо... помятое, поблеклое лицо старухи... Седые волосы мятой паклей обрамляли обвисшие щёки... Да... Может, надо плакать, а не смеяться? Может, эта шутка злая и жестокая?... Но он был такой милый... и она ведь не сделала ему ничего дурного. Эх, вернуть хотя бы десять лет назад, она была ещё пожилой женщиной... а теперь – старуха, бабушка... А может, ему не хватает как раз заботы бабушки. А ей бы такой внучок тоже пригодился – такой милый, весёлый... Хотя нет, он не милый, он настоящий мужчина – грубый, смелый, сильный. Её муж не был таким – канцелярская крыса, сухарь, любви-то особой не наблюдалось даже в молодости. Просто настала пора выходить замуж, а он непьющий, перспективный. Да и Дина Васильевна никогда не считалась красавицей, не умела себя подать, не умела кокетничать. Даже внебрачных романов у неё не было. И особых сожалений по этому поводу не возникало. Не всем же выпадает такое счастье – большая настоящая любовь. А может, и не бывает её. Ни у кого из её знакомых она не замечала ничего такого. Но когда она смотрела западное кино про любовь, там всё выглядело так реально, что невольно верилось – вот скоро и с ней что-то произойдёт, что-то сбудется, но... Время шло, и вот она старуха... Зато теперь у неё есть возможность открыто любоваться красивыми мужчинами, даже шутить с ними – возраст даёт ей это право. Вот и этот викинг по имени Валера – она может запросто с ним болтать, смеяться – никто уже не осудит ни её, ни его. Почему бы не позвать его в гости, ну, например, помочь передвинуть мебель или что-то там прибрать во дворе. Так хочется доставить себе эту маленькую радость, может быть, последнюю. Вечером Дина позвонила племяннику, попросила телефон Валеры, сказав, что он обещал ей помочь. Племянник особо не удивился, свою альтернативную помощь предлагать не стал, продиктовал ей номер телефона и обещал на днях заехать на квартиру, проверить высушаемость. Всё шло как по маслу. Чтобы не передумать, Дина сразу набрала номер, сразу представилась и изложила свою просьбу. Валера узнал её: «А-а-а, чаровница! Ну конечно, всенепременно буду, ну, скажем, завтра в семь вечера», – и засмеялся так весело и хорошо, что у Дины стало щекотно под коленками. Она положила трубку и вышла на крыльцо. Как хорошо! Цвела сирень, пели соловьи... Как давно она не замечала ни того, ни другого! На следующий день Дина сходила в маленький магазинчик, купила колбаски, сыра, конфет. Долго думала, глядя на бутылки вино-водочного отдела, что брать – вино или водку? К прилавку подходили мужчины и все брали водку. Что ж, она же покупает всё для него, не для себя – надо брать водку. Да и не представить в уме, чтобы такой орёл сидел и потягивал сладкое вино. Смешно даже. Дина усмехнулась и купила

бутылку водки, колбаску и банку маринованных огурцов. Как же они смеялись вечером, когда Валера из цветного пакета достал такую же бутылку водки, такую же колбасу и такую же банку огурцов, купленные в том же магазинчике!

– Да мы с вами родственные души! – вопил викинг. – У нас с вами кармическая связь!!!

Дина хохотала и с удивлением чувствовала, что он разговаривает с ней не как со старухой, а как с женщиной! Да! Он даже хлопнул её по плечу. С непривычки она быстро захмелела, ей было радостно и как-то вольно. Потом они пели русские народные песни, выходили вместе покурить (Дина, конечно, не курила, просто стояла рядом). Про шкаф, который надо передвинуть, они даже и не вспомнили. Уходил Валера уже в первом часу. На прощание он опять поцеловал ей руку и щёлкнул по-гусарски каблуками. Ночь она проспала как убитая, и снился ей Он. Проснувшись счастливой. Ей отчётливо вспомнилось детство, наполненное этим беспечным, беспричинным счастьем. Она встала, расчесала волосы и заплела две косички, как у девочки. Достала из шкафа старые мужнины джинсы, надела. Они оказались впору. Подошёл и его старый свитер с оленями. «А не такая уж я и старая!» – подумала Дина, рассматривая в мутном зеркале своё отражение. Так она и проходила весь день – в свитере и джинсах. А в шесть часов вечера в дверь неожиданно постучали. Это был Валера.

– Дина Васильевна, а я про шкаф вспомнил, надо двинуть? А вы какая сегодня... не ожидал – на мою 13-летнюю племяшку похожи. Вам очень идёт!

Дина зарделась от радости, от смущения, от целой гаммы чувств.

– А знаете что! Идёмте-ка я вас прокачу! – сказал он.

И всё закрутилось как на карусели – они катались на мотоцикле, рвали полевые цветы в лесочке, бросали камешки в ручеёк. Вечером Дина никак не могла заснуть, казалось, весь этот день был из жизни совсем другого человека – молодого, сильного, красивого. «Пусть, пусть это всё неправда, пусть мне только снится чудесный сон, пусть он длится и длится подольше...» Думать о том, что будет дальше, Дина не хотела. «Надо жить сегодняшним днем! Как это правильно, я раньше совсем не понимала этого. Казалось – как беспечно не думать о дне завтрашнем... А что о нём думать? Не известно – будет ли он... И что в руках человеческих? Разве можно хоть что-то планировать, на что-то рассчитывать? Вот мне сейчас хорошо – и, слава Богу, и надо наслаждаться этим мгновением. Ведь все мы боимся радоваться – как бы не сглазить, как бы радость не оказалась обманом. Поэтому и не бываем счастливы. А и пусть всё обман, но, куда ты в него веришь, – отпусти душу, дай ей воспарить на седьмое небо! Пусть потом всё рухнет – но ты уже успела побыть счастливой! Чего же тебе ещё? Всё равно счастье мимолётно, настоящее или нет – дунет ветерок – и нет его...» Дина засмеялась. И ведь как хорошо она себя чувствовала – не беспокоило давление, не ломило суставы. Перед сном Дина зажгла свечку, нашла старый календарик с изображением Смоленской Божьей Матери и впервые в жизни горячо и неумело помолилась, поблагодарила Пречистую Деву за нечаянную радость, просила не лишать этой радости подольше...

Утром шёл дождь. Капли барабанили по крыше, по листьям во дворе, по жестяным подоконникам. Дина Васильевна весь день просидела у окна, почти ничего не ела. Никто не пришёл... Ночью несколько раз вставала, пила корвалол – сердце ухало, как будто во дворе кто-то выбивал большой пыльный ковёр. Всё время наворачивались слёзы, было обидно и жалко себя, а дальнейшая жизнь казалась бессмысленной и напрасной. Что ждало её? Болезни, тоска, одинокая смерть, когда и воды подать некому... Всё. Недолго радовалась. Не надо было этого ничего, зря только разворошило душу. Пошла и порвала календарик с ликом Богоматери, сама задохнулась от ужаса за содеянное. Вернулась через час и старательно склеила картинку. Только тогда заснула, прерывисто вздыхая. Светало... Проспала она часа два, когда услышала звонок. Растрёпанная, в пледе, почти ничего не видя, открыла дверь. Это был Валера. Весь в грязи, и на лице грязь, рукав кожаной куртки разорван и в крови. У Дины подкосились колени.

– Простите, моя прекрасная леди Ди, за вид – попал в некую передрыгу, пострадал сам и покалечил свою боевую лошадку. Вот – прошу вашей женской помощи и заботы, поскольку в таком виде добраться домой затруднительно, – он улыбнулся.

Дина металась по дому как наседка – набрала в таз воды, нашла зелёнку, бинты, губку, бактерицидное мыло, налила молока в стакан и дала выпить Валере. Даже кудахтала как курица – от эмоций не могла связно изъясняться. Обмывала ему лицо так аккуратно и нежно, а сама наслаждалась его запахом – здоровое мужское тело пахло неизъяснимо прекрасно, дополнял его запах бензина, кожаной куртки, какого-то парфюма, кажется, какой-то горькой травы... За всю жизнь не было такого прекрасного момента! А какая кожа! Гладкая, загорелая, молодая! Как он хорош, какое блаженство прикоснуться к нему! Когда мед обработка была завершена, Валера провёл рукой по её щеке, шепнул в самое ухо «Спасибо!» и чуть поцеловал её в щёку... На неверных ногах Дина ушла в ванную, смотрела в мутное зеркало на своё отражение и не узнавала себя – глаза горели, на щеках играл румянец, даже губы как-то налились и сами складывались в лёгкую полуулыбку. Ах, как она была счастлива в эту минуту! Валера остался у неё подлечиться. Могла ли она мечтать о таком счастье! Почему-то ей представлялось, будто он – раненый гусар, а она – юная барышня-дворянка. Она даже говорить начала со старинными оборотами: «дайте-ка, сударь мой, я вам руку перебинтую», или «подержите ножницы, мой голубчик». Счастье длилось два дня. Потом приехали друзья-викинги, погрузили Валерин мотоцикл в большой джип и увезли вместе с самим Валерой. И опять она осталась одна... Раньше своего одиночества Дина не замечала, оно было естественным и привычным. А теперь явственно ощущалась пустота за столом, пустота на кухне, пустота во дворе... Неужели так быстро можно привязаться к человеку? Оказывается – можно. Но почему-то ей не было грустно. Почему-то она была уверена, что Валера обязательно вернётся. Она прижимала к груди подушку, на которой он спал, вдыхала еле уловимый запах его одеколona, пила из кружки, из которой пил он, и ей казалось, что она целует его... «Боже, боже, что я делаю! Как там у Тютчева “и старческой любви позорней сварливый старческий задор”... Ну, значит, есть что-то ещё более позорное, чем моя любовь!» Дина засмеялась и позволила молодому, украденному солнечному счастью ослепить её и укутать с головы до ног. А вечером действительно приехал Валера. В руках он держал большой букет роз и бутылку шампанского.

– Моя прекрасная леди Ди! Примите мою благодарность за спасение и лечение!

Он поцеловал ей руку и щёчку. Они пили шампанское, смеялись, даже танцевали чарльстон под старый проигрыватель в виде чемоданчика. Было так легко, так свободно дышалось, хотелось прыгать и хохотать, как в детстве. Эх, сбросить бы лет ну хоть 10! Ну почему это не случилось с ней раньше? Хотя спасибо, что вообще случилось! И полетели денёчки. Вечером Валера приезжал, они ужинали. Дина ходила в магазин, готовила борщи и котлеты, жарила картошку. Никогда она не готовила с таким удовольствием и увлечением, узнавала новые рецепты, покупала дорогие продукты. После ужина они курили на крыльчке, потом Дина стелила постель Валере в большой комнате на диване и уходила спать в небольшую спальню. Утром она вставала пораньше, готовила ему завтрак, кормила и стояла на крыльчке, пока Валера прогревал своего металлического зверя и с рёвом уносился вдаль, оставляя за собой сизое облачко. Дина спускалась и вдыхала это облачко как самый сладостный аромат на свете.

Тем временем ремонт в квартире закончился, и к Дине Михайловне приехал племянник с предложением перевезти её обратно в Москву. Он был несколько удивлён, застав у неё Валеру. Выслушав пространные объяснения, почему Дина хочет пожить ещё на даче, он как-то нехорошо ухмыльнулся и уехал. На следующий день приехала его жена Тамара с тортом и долго выпытывала у неё обстоятельства новой дружбы с молодым приятелем её мужа. Дина смущалась, пыталась перевести разговор на другую тему, часто уходила подогреть чайник и чувствовала себя как резидент перед провалом. Когда, наконец, Тамара уехала, без сил повалилась на кровать и никак не могла унять тахикардию. «Они хотят отнять у меня единствен-

ную радость, они хотят всё разрушить!» – думала она и всю ночь не сомкнула глаз. Когда на следующий день приехал Валера, Дина уже не могла унять слёз. Объяснить ему, в чём дело, было невозможно – ничего ведь не произошло. Она всё смотрела на то, как он ест, как ходит, как курит, как чистит своего железного коня, и понимала – ни за что не отдаст этой своей радости. Ни за что и никогда! Вечером они пили чай и играли в карты. Говорили о пустяках, но оба чувствовали, что им надо поговорить о чём-то очень важном. Валера пытался поймать её взгляд, а она всё отводила его, боялась прямо посмотреть на него.

– Дина Васильевна... Что-то произошло? Вы так нервничаете? Может быть, я могу помочь? Или моё участие... и присутствие нежелательны? Дина залилась краской. Что ответить? Правду? Соврать? Она встала, подошла к нему со спины, обхватила его голову руками, прижала к себе и заплакала.

– Милый мой, дорогой... Понимаю, как нелепо прозвучит моя просьба... Мне очень одиноко в этой жизни, нет у меня ни детей, ни внуков, ни братьев, ни сестёр... Все дальние родственники, конечно, не забывают, но ведь я им чужая... Бывает, месяцами никто не звонит. А позвонит – и говорить-то не о чем. Подруг даже у меня нет... Кошку хотела завести – так у меня аллергия. Одна как перст. Зачем живу? И вот сжалились надо мной небеса, послали мне такого друга – вас! Смешно, да? У вас совсем другие друзья, подруги, дела, развлечения... А мне ведь и не надо многого, вот вы приедете на часок, навестите – мне и радостно, вот и счастье моё. А люди – злые. Не могут жить спокойно, когда кому-то хорошо... Я очень вас прошу, не бросайте меня! Что бы вам ни говорили, в чём бы ни упрекали! А я что хочу для вас! Хотите, эту дачу перепису, хотите, квартиру? Только будьте рядом со мной! Это не так долго продлится, и я буду угождать вам всегда и во всём! Милый мой, хороший!

Она плакала, целовала его голову и была уже на грани обморока. А он молчал! Он сидел не шевелясь и молчал! Дина выпустила его голову, поплелась в свою комнату и легла на кровать. Услышала, как он встал, хлопнула входная дверь... вот заревел мотоцикл... всё стихло. Дина плакала и плакала, а потом сама не заметила, как уснула. Сон был тяжёлый, какой-то чёрный. Снился Валера на мотоцикле, Тамара в фартуке мешала что-то в большой грязной кастрюле на чужой тёмной кухне, бегали вокруг худые драные кошки... Проснулась Дина от глухого стука в дверь. Стучали в дверь ногами. Кто это? За окнами темно, страшно. Который час? Всего-то 10 вечера... Она нерешительно стояла у входной двери. Открывать страшно и отойти от двери невозможно.

– Кто там? – едва слышно спросила она.

– Эо я, Ына Ыевна... – какой-то странный мужской голос.

– Кто?

– Отойте, ожаста.

Дина распахнула дверь и увидела на пороге Валеру. В обеих руках он держал большие сумки, а во рту за стебель – огромную красную розу. Тяжело заухали кованые ботинки по коридору. Валера вошёл в большую комнату, опустил тяжёлые сумки на пол у стола, взял розу и протянул Дине:

– Выходите за меня замуж, Дина Васильевна!

С Тамарой меня связывало шапочное знакомство – я стригла её шпича. Пёсик был вёрткий, и процедура обычно длилась довольно долго. За это время Тамара успевала поведать мне множество историй о своей семье, о соседях, о знакомых и незнакомых, вплоть до сплетен о дикторах телевидения. Причём, называла всех уменьшительными именами, отчего создавалось впечатление, что она их родственница или, по крайней мере, очень близкая знакомая. Но в тот раз она говорила только об одном человеке – о Дине Васильевне, тётке её мужа.

– Представьте, Ниночка, старая дура окончательно свихнулась. Я просто не знаю – её надо как-то оградить от людей, лишить правомочности, или как там это называется! Она завела себе

молодого любовника, да что там молодого – байкера! Здоровенный бугай, ни стыда ни совести, таскается к бабке в Болшево, жрёт там с ней водку, катает её на своём мопеде!.. А эта древняя развалина собралась за него замуж! Нет, она даже стала носить кожаную куртку! Ну, вы же её видели – старая номенклатурная обезьяна, она джинсы-то никогда не носила, а тут – косуха, штаны!.. Да её связать нужно! Она же собирается переписать на него всё своё имущество! И это после того, как мы с ней носились как курица с яйцом! Ремонт ей сделали в квартире!!! И что теперь – всё отдать этому бугаю?! Не-е-т! Я управу найду! У вас нет знакомых психиатров? Надо в милицию сообщить, он же типичный аферист! Да он её специально свалит где-нибудь со своего «харлея» и останется богатым вдовцом! Я не знаю, раньше хоть парткомы какие-то были, а сейчас, получается, можно дурить бедную старушку как угодно! Ну должна же милиция реагировать! Ниночка, дайте водички, мне дурно становится от всего этого!

Я принесла ей воды в кружке, а сама всё никак не могла определиться. С одной стороны – действительно, ну какая из Дины Васильевны байкерша? И действительно, столько случаев, когда ради жилплощади обманывали и убивали стариков. А с другой стороны – я терпеть не могла Тамару с её жадностью, душевной чёрствостью. Всё, что она говорила, вызывало у меня внутренний протест, и мне хотелось возражать и спорить с ней по любому поводу. Да чем она лучше этих аферистов, она точно так же хочет завладеть имуществом «старой обезьяны», ещё и ненавидит её. Не удивлюсь, если она, не сумев запрятать бабку в сумасшедший дом, прирежет её кухонным ножом. Нет, я никак не хотела принимать Тамарину сторону.

– Ниночка, мы с мужем должны уехать на недельку к моим в Тамбов. Я знаю, вы не можете подержать Микки у себя, у вас кот. Миленькая моя, я вас умоляю, отвезите его к Динке в Болшево, я никак не успеваю. Заодно и посмотрите на эту ненормальную, может, и женишка застанете. Микки ведь больше ни с кем не поедет, а вас он любит, слушается. Ну, душечка!

Я по натуре тряпка, под таким натиском тут же ломаюсь. На следующий день мы с Микки отправились на моём стареньком «опеле» в Болшево. Отвратительные у нас дороги, особенно летом! Отвратительные у нас «участники дорожного движения», особенно на загородных трассах! Ненавижу этих хамов-торопыг, которые в пробках выезжают на обочину и тарахтят мимо, обдавая все ряды пылью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.